

Введение

Бруно Коппитерс

Принципы перестройки противоречили любым формам партикуляризма. Согласно мировоззрению советского руководства второй половины 80-х гг., экономическое будущее Советского Союза следовало рассматривать с точки зрения мирового развития. На смену логике военной конфронтации с западными державами должно было прийти осознание необходимости всемирного сотрудничества; экологические проблемы предстояло решать совместно с мировым сообществом. Этнические конфликты не вписывались в политику перестройки. События в Казахстане— протест против назначения в качестве первого секретаря компартии этнического русского вместо казаха— были поняты как оркестрованная коррумпированной казахской номенклатурой акция по защите ее местных привилегий от демократических реформ советского руководства. Требования армян о воссоединении с Нагорным Карабахом расценивались Кремлем как недопустимая попытка поставить местные интересы выше заботы об общем благе.

Процесс демократизации натолкнулся на трудности, когда советское руководство попыталось локализовать этнические и региональные требования. Ни идеологи перестройки, ни их консервативные оппоненты не готовы были признать декларации о суверенитете, провозглашенные различными республиками в Прибалтике и на Кавказе. Столкнувшись с оппозицией на периферии, Горбачев нашел общий язык с более консервативными элементами политического руководства, которые усматривали необходимость в более энергичной защите единства СССР. Их попытки остановить войну законов между центром и мятежными республиками дали обратный результат. Применение военных средств в Ереване (июль 1988 г.), Тбилиси (апрель 1989 г.), Баку (январь 1990 г.), Риге и Вильнюсе (январь 1991 г.) привели к еще более широким националистическим выступлениям.

Различные фракции в советском руководстве были не способны найти консенсус относительно того, как справиться с конфликтами, чтобы защитить Советское государство. Реформу федеральной системы приходилось неоднократно откладывать. Затем дискуссия о новом Союзном договоре ускорила попытку государственного переворота в августе 1991 г., и, прежде чем федеральная реформа могла быть завершена, Советский Союз был распущен. В декабре 1991 г. мировоззрение социалистического «нового мышления» было побеждено национальным партикуляризмом.

Западные правительства с большим трудом вникали в необычные формы, которые принимал новый мировой порядок. Общие принципы и универсальные ценности идеологии перестройки легче поддавались осознанию, чем постсоветский национализм. Было гораздо труднее, например, ознакомиться со всеми особенностями грузинской или таджикской политики, чем провести грань между реформистским и консервативным

принципами в Кремле. Даже если западные правительства и организации быстро признали независимость большей части бывших советских республик, они продолжали уделять основное внимание московской политической жизни. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы признать в качестве приоритетных другие цели, такие, как налаживание связей в области безопасности с Прибалтикой или Украиной. В целом будущее периферии виделось как зависящее от судьбы центра.

Эта политическая перспектива затруднила понимание угрозы западной безопасности, какую представляют собой военные конфликты в Азербайджане, Армении, Грузии, Таджикистане и Молдавии или между ними. Многие вопросы, касавшиеся западных интересов на периферии или западного отношения к российской политике в этих регионах, оставались без ответа. Но вторжение в Чечню (декабрь 1994 г.) заставило наконец западные правительства осознать тот факт, что периферия России имеет большее, чем просто второстепенное, значение для всемирной безопасности.

Статьи настоящего сборника рассказывают о трудностях, испытываемых Россией, Турцией и Ираном, когда они пытаются найти свои ориентиры в постсоветском пространстве. В отличие от западных государств, все эти страны считают, что Закавказье имеет первостепенное значение для их национальных интересов. Россия, столкнувшись с невозможностью получить гарантии интересов своей безопасности от европейских институтов в этой области (благодаря, скажут некоторые, собственному неумению), объявила, что Закавказье принадлежит к той группе стран, в которых она может законно претендовать на защиту специфических интересов безопасности и особых прав на вмешательство. Для того чтобы сохранить свою доминирующую роль в независимых республиках Кавказа, Россия поддерживала попытки дестабилизировать режимы, настроенные против ее собственной политики. Российские войска были активно замешаны в гражданской войне в Грузии в 1991—1992 гг. и в войне в Абхазии в 1992—1993 гг. Россия также содействовала свержению правительства Эльчибея в Азербайджане в середине 1993 г. К 1994 г. она добилась успеха в деле укрепления своего военного присутствия на большей части региона. Успех России не был, однако, полным. Азербайджан и отколовшаяся Чечня были все еще в состоянии противостоять попыткам ограничить свой суверенитет.

Несмотря на международное согласие с российским военным присутствием в Южной Осетии и Абхазии, России не удалось заручиться полным международным признанием своей миротворческой деятельности. Международный статус ее военных сил в Южной Осетии и Абхазии оставался неясным. Ни ООН, ни СБСЕ не согласились предоставить свободу действий российской политике или возглавляемому Россией миротворческому контингенту в регионе. Отсутствие беспристрастности в конфликтах являлось одним из главных аргументов, выдвинутых западными правительствами в пользу отказа в предоставлении ей мандата от международных организаций. Да и российские военные не согласятся с международным наблюдением за размещением ими своих войск. Подозрение в том, что российское понимание миротворческой политики не будет соответствовать западным стандартам и интересам, послужило основной причиной отказа Москве в ее просьбе. Как пишет Дмитрий Данилов в своей статье в настоящей книге, ведущие творцы российской политики ясно давали понять в 1994 г., что независимость и суверенитет являлись относительными понятиями там, где речь шла о регионах ее «ближнего зарубежья». Российское присутствие в Закавказье можно было себе представить и без международного мандата. В конце года — с разрушением чеченской столицы — Россия продемонстрировала, что по крайней мере внутри

собственных границ она не нуждалась в международном одобрении своей этнической политики.

Исчезновение Советского Союза породило большие ожидания в Анкаре. Турция возлагала немалые надежды на политическое и экономическое сотрудничество с Азербайджаном и среднеазиатскими странами. Геополитические перемены, вызванные обретением независимости тюркскими странами бывшего Советского Союза, привели к переосмыслению прежнего самоощущения Турции как буферной зоны между Европой и Ближним Востоком. Мечта Анкары стать форпостом Европы в Средней Азии и Азербайджане, однако, не осуществилась. В данном случае западные страны не чувствовали особой необходимости полагаться на Турцию, но проводили свою собственную политику в Средней Азии и Закавказье.

Вопросы нефтяных богатств Каспийского моря и определение маршрутов нефтепроводов имеют двойные последствия. С одной стороны, они делают умиротворение этого региона путем международных соглашений более настоятельным. В то же время они повышают риск дестабилизации, порождая ожесточенную международную конкуренцию среди тех, кто пытается закрепиться там. В долгосрочном плане экономические интересы всех сторон, вовлеченных в кавказские дела, заключаются в окончательном урегулировании основных этнических конфликтов. Это не означает, что эти стороны готовы принять такое умиротворение без оговорок или что все они проводят внешнюю политику, основанную на примате экономических интересов: например, российская военная интервенция в Чечне, ставящая под угрозу возможность безопасной перекачки каспийской нефти в Новороссийск, вряд ли может рассматриваться как следствие здравого экономического расчета.

С распадом Советского Союза улучшилось геополитическое положение Ирана^[1]. Изменение очертаний бывшего советского пространства вызвало надежды на то, что новые независимые республики: Азербайджан, Армения и Туркменистан, с которыми Иран имеет общие сухопутные границы, составят буферную зону между Ираном и Россией. Иранское правительство также рассчитывало получить экономическую выгоду. Переход бывших советских республик на рельсы капитализма привел к образованию обширного потенциального рынка для иранской экономики. Тегеран выдвинул конкретные предложения по строительству газо- и нефтепроводов, ведущих из Туркменистана и Азербайджана через Иран. Несмотря на возросшие перспективы получения политических и экономических благ вследствие краха СССР, иранскому режиму пришлось считаться с ростом международной нестабильности. Он не мог исключать возможности возникновения движения за отделение от Ирана среди своего азербайджанского меньшинства или же требований со стороны азербайджанского населения Республики Азербайджан, которое стремилось к воссоединению со своими братьями с сопредельной стороны. Хотя страх перед движением за воссоединение оказался необоснованным, Иран не смог укрепить свою безопасность, на что он, возможно, надеялся в конце 1991 г. Несмотря на независимость закавказских государств, наличие российских войск в большинстве стран региона не дает возможности назвать его буферной зоной. К концу 1994 г. только Азербайджан все еще отказывался позволить российским пограничникам разместиться на своей границе с Ираном. Сотни тысяч азербайджанских беженцев из Нагорного Карабаха и других районов, оккупированных армянскими войсками, вызывают нестабильность в регионе. С другой стороны, дипломатические отношения между Ираном и Россией изменились к лучшему. Возможность того, что иранское правительство может установить

нормальные политические и экономические отношения с Россией и новыми независимыми государствами Средней Азии и Закавказья, вызвала большую озабоченность у ряда западных правительств. США оказывали давление на Азербайджан и Туркменистан с целью не принимать иранские предложения о прокладке газо- и нефтепроводов через иранскую территорию. Российско-иранское сотрудничество в ядерной области также натолкнулось на сильное американское противодействие.

В период 1991—1994 гг. Иран выдвинул ряд дипломатических инициатив по достижению урегулирования в Закавказье. Эта политика, представлявшая собой попытку преодолеть международную изоляцию этой страны, имела весьма ограниченный успех, но она фактически показала международному сообществу совершенно новое лицо иранской дипломатии. Даже несмотря на то что иранское правительство имело религиозные интересы, которым оно стремилось содействовать в соседних странах, оно не вело активной кампании в пользу исламского фундаментализма на Кавказе. Его поддержка Азербайджана в войне с Арменией была довольно ограниченной, и, когда российская армия громила Грозный, Иран ограничился чисто словесными протестами. Таким образом, экономическое и военное сотрудничество с Россией, по-видимому, имело большее значение для Исламской Республики Иран, чем панисламистские принципы.

В статьях настоящего сборника подвергаются анализу основные этнические конфликты, бушевавшие на Кавказе между 1988 и 1994 гг. Этот период начинается с возникновения войны в Нагорном Карабахе и заканчивается накануне российской военной интервенции в Чеченскую Республику. Он охватывает этнические конфликты в Грузии из-за Южной Осетии и Абхазии, а также конфликт на Северном Кавказе между ингушами и осетинами. Алексей Зверев дает широкий обзор всех этих конфликтов. Он анализирует попытки различных группировок и фракций в советском и российском руководстве вмешиваться в них. В статье Гии Нодии внимание сосредоточено на влиянии грузинской независимости на зарождение конфликта в Южной Осетии. Антисоветская и антирусская политика движения за независимость в немалой степени сказалась на межэтнической розни в Грузии. В статьях Дмитрия Тренина, Дмитрия Данилова, Эрика Ремакля, Оливье Пэ, Фирузе Нахаванди, Абдоллы Рамезанзаде и Фредди Де Пау речь идет о позициях, занятых в отношении этих конфликтов соседними странами в Закавказье и международными организациями по безопасности. Дмитрий Тренин обсуждает интересы и политику России в регионе. Оливье Пэ и Эрик Ремакль рассматривают посредническую политику СБСЕ и ООН в трех основных конфликтах этого региона. Дмитрий Данилов представляет аргументы, приводившиеся российским правительством в 1994 г. с целью добиться международного признания своей политики в Закавказье. Фирузе Нахаванди анализирует иранскую политику в регионе с исторической точки зрения, а Абдолла Рамезанзаде уделяет основное внимание кавказской политике Ирана в постсоветский период. Фредди Де Пау описывает разочарование Турции проектами ее сотрудничества с Азербайджаном и тюркскими странами Средней Азии. В заключении Кавказ рассматривается как вопрос региональной безопасности.

Первое обсуждение статей настоящего сборника состоялось на конференции, проходившей в Брюсселе 29—30 марта 1994 г., организованной Центром политологии фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel) и Центром CRITEME франкоязычного Свободного Брюссельского университета

(Universite Libre de Bruxelles). Авторы этой книги выражают благодарность Николасу Бардош-Фельторони (Католический Лувенский университет) и Люку Гардьян-Фурману (НАТО) за их устные выступления на этой конференции. Они хотят также поблагодарить Вернера Боувенса (НАТО) за его поддержку в проведении этого мероприятия. Как сама конференция, так и публикация настоящего сборника получили финансовую помощь от фламандского и франкоязычного национальных фондов научных исследований, фламандского Свободного Брюссельского университета и НАТО. Авторы благодарны Борису Беленкину (библиотека московского общества «Мемориал») за помощь в подборе материалов для настоящей книги. Авторы также признательны Алексею Звереву за перевод и стилистическую правку ряда статей и Елене Щучкиной за подготовку карт. Наконец, они выражают признательность Олегу Зимарину (московское издательство «Весь мир») за публикацию этой книги.

^[1] О внешней политике Ирана по отношению к бывшему Советскому Союзу см.: Hiro D. Between Marx and Muhammad. *The Changing Face of Central Asia*. London. P. 270—303.